

ДОЧУРКА ПРОСИТСЯ К ОТЦУ

В Московском
Доме фотографии
открылась выставка
забытого русского
авангардиста
20-х годов

Алла АРХАНГЕЛЬСКАЯ

Вот традиционный для Петра Галаджева поворот темы. Барышня интересной наружности, заломив на театральный манер руки, взмывает вверх. Католический священник плотоядно смотрит на негритянку. Шампанское стынет в ведре. «High life» – сорить деньгами, жить на широкую ногу. Или вот. Семья из четырех мещан собралась за обеденным столом, интимно светится абажур. Дочурка просится на колени к отцу. В другой сцене некая гражданка изящно падает в обморок, в то время как ее партнер по танцу удивленно поднимает брови.

Пытается подхватить женщину, спасти от рокового падения. Звучит музыка – у рояля вздымается крыша. Как бы занавес.

Фотоколлажи Петра Галаджева, заслуженного художника РСФСР, актера, режиссера и – втайне – любителя авангардистских экспериментов и последователя Родченко, знатоки называют бессюжетными. На наш взгляд, это не так.

Конечно же, лаконичный Днепрогэс Александра Родченко несет чуть больше смысловой нагрузки, чем те же, парящие на крылах аэроплана, «Теннисистки» Галаджева. Но чем не сюжет, к примеру, репетиция Британского военного оркестра? Замечательный сюжет, насыщенная интрига. Или – макет плаката, также сделанный на манер коллажа, к кинофильму «Мать» режиссера Всеволода Пудовкина? Скорбная поза Ниловны, разбитые часы на полу, разломанный вдребезги табурет.

Скорее уж, здесь имеет место многосюжетность, калейдоскоп, собрание сцен из жизни.

В случае с католическим священником преобладают нэп, эротика, запретное. Ниловна несет в себе заряд негатива, часы символизируют конец времен.

Галаджев, конечно же, больше театрал и человек кино, чем художник в привычном понимании.

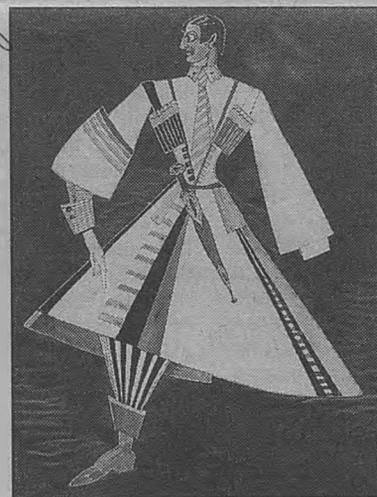
Выразительная мимика делала его идеальной моделью для Льва Кулешова. Галаджев смеялся – Кулешов фотографировал. Галаджев хмурился – Кулешов снова фотографировал. Потом добавлял кадр с пистолетом у виска, производили монтаж – священное слово для конструктивистов – из-за станка появлялся Джеймс Бонд, любитель женщин, презирающий смерть. Галаджев хмурился – пистолет у виска – Галаджев смеялся.

Но все по-другому – в контррельефах.

От былой театральности, мещанских излишеств и буржуазных променадов не осталось и следа.

Галаджев – строгий конструктор, аскет, рационалист.

На шахматную доску он помещает кусок железнодорожной шпалы. Сверху присыпает резиной и перекрывает табуретом. В рамку берет следующую композицию – пружина, ненавязчиво приколотая к фанере. Благородный перпендикуляр – полочка для кофейных чашек из бабушкиного серванта. Перпендикуляр перерезает стремительная параллель – это металлическая ножка от кровати с шпешечками. На таких кроватях красавицы-мещанки принимали галантных мещан-ухажеров, потом пили кофе из бабушкиных чашек, а потом улетали на крышу Кафедрального собора – красиво прожигать жизнь. Так повествуют коллажи ■

Вер. Калуга - 2003 - 18 сент - с. 27